

«ВОСТОРГ БЫТЬ ЛЮБИМЫМ»

ЭТЮДЫ О ШЕДЕВРАХ

В выставочных залах Академии художеств СССР прошла выставка работ большого русского и советского художника Б. М. Кустодиева, создавшего «типично русские картины», «отразившие праздничную удаль и душевную ясность своего народа. Человека, считавшего, что художник обязательно должен быть «корреспондентом на поле битвы», — потому он один из летописцев Революции 1905 года, потому радостно встречает Великую Октябрьскую социалистическую революцию и становится в ряды создателей новой социалистической культуры. Человека большого мужества, сумевшего не сдаться тяжелой болезни, но устоять и драться с нею до конца. В этом подвиг его жизни. Наш рассказ — о некоторых портретах, где изображена его жена Ю. Е. Кустодиева, замечательная женщина, которая также совершила свой подвиг — долга и любви.

***

На деревянной веранде-террасе сидит, опершись рукою о стол, грациозная и спокойная женщина. Женщина из жеманного помещичьего дома и тенистого сада; милая тургеневская женщина. Удлиненное благородное лицо; преданные, доверяющие, добрые глаза. Есть какая-то бесконечность постоянства в ее фигуре, уйдя на десять лет — мягко светящаяся женщина все так же будет ждать на веранде...

Это портрет молодой жены Кустодиева — Юлии Прошинской, написанный в 1903 году.

Впервые они встретились двумя годами раньше в тихом доме с мезонином, где старинная мебель и старинный фауфор, обширная библиотека и потемневшие картины на стенах создавали уютную атмосферу неторопливой ласковой жизни. Здесь наслаждались музыкой и с удовольствием говорили о живописи. Юлия и сама училась в школе общества прощрения художеств,

много читала; как и Кустодиев, поклонялась театру.

Кустодиев и его товарищ по Академии художеств Марзин рисуют портрет Юлии: «позировать довольно утомительно, но я терпелива...» Ей больше нравится рисунок Кустодиева — значит, художник угадал Юлию, понял — и она почувствовала, что он понял: вот такая, какой нарисовал, ему мила.

Кустодиев дарит Юлии этот портрет. И она внимательнее присматривается к молодому человеку с взглядывающимися глазами, который говорит с таким смешным астраханским акцентом: часы, пятно...

Знакомство продолжается и в Петербурге — Кустодиев приносит Юлии книги, они бродят по музеям, гуляют в Летнем саду. Юлия учит художника французскому. В ее письмах тетюшкам все чаще мелькает его фамилия: «Кустодиева вижу ежедневно...» Летом 1901 года Кустодиев вновь на каникулах в Кинешемском уезде Костромской губернии. Они, очевидно, обьяняются. В усадьбу Высоково, где живет Юлия, почти ежедневно спешат конверты с шутилкой надписью: «Ее Высокоблагородию Юлии Евстафьевне Прошинской».

«...Вы сидите в Вашем красном платочке, амазонка с хлыстиком...»

Он вспоминает прогулки в лесу, как испугались филина, прочие милые пустяки. Любовь приходит к нему, когда он только становится Кустодиевым, и дает ощущение яркости и полноты бытия: «Я переживаю теперь самую лучшую пору моей жизни — пишу картину и чувствую, что я люблю и что меня любят». Не живет — летит, подобные часы и дни не повторяются более, что он почти понимает. «...получил Ваше письмо и готов скакать и прыгать и делать бог знает что...»

«...Вы помните «Четыре отрады» Валерия Брюсова? Недавно я их прочитал — как

все это верно! Теперь я, кажется, переживаю самое лучшее время в своей жизни...»

Знаю я сладких четыре отрады,
Первая — радость в сознании жить.
Птицы, и тучи, и призраки — рады,
Рады на миг и для вечности быть.
Радость вторая — в огнях лучезарна!
Строфы поэзии — смысл бытия.
Тютчева песни и думы Верхарна,
Вас, поклоняясь, приветствую я.
Третий восторг — то восторг быть любимым...
Восторг быть любимым. Читаешь листики, исписанные столь торопливо, столь не-

терпеливо, и приходит ощущение нескромности вторжения в святая святых чужой жизни. Но как теплы, как согревают до сих пор эти строки...

«Побереги себя!» — кричит в письме Кустодиев. — Ведь ты для меня все...»

И посылает шуточный отчет о своей жизни в селе Семеновском-Лапотном, где он пишет этюды к картине «Базар в деревне»: он спит, укрытый пестрым одеялом, шагает по улице, катается на коньках.

Ночью ему снится, что их венчают.

Наконец их действительно венчают. На фотографии, где

они жених и невеста или только поженились, Кустодиев добр, спокоен; Юлия — обаятельна и счастлива, большеглаза — глаза озаряют лицо ясностью. Именно тогда и создается портрет-картина, о котором сказано выше.

В том же 1903 году рождается сын Кирилл.

«Что наш пичужка поделывает...» — спрашивает в письме Кустодиев.

Картина «Утро» — портрет жены, купающей сына. Властвуют свет и движение воздуха. Свет, соприкасаясь с предметами, окрашивает их в самые нежные краски, превращает картину в песнь — о начале жизни и счастье материнства. Именно свет преображает ванну, в которой купается малыш, в волшебную раковину...

«Скучаю о вас».

«Утро» вызвало лестные отзывы видевших картину и критиков: «Показал себя таким мастером, каким никто его себе не представлял и не подозревал».

«...жду, жду, жду тебя...»

Каждое письмо от него — праздник. Она вся растворилась в его жизни.

В саду своих друзей Поленовых Кустодиев написал «Сирень» (Ю. Е. Кустодиева с дочерью Ириной). Нежное пламя сирени и рядом другое пламя — женщина в сиреновом платье с девочкой на руках, символ обновляющей чистоты, — равно расцветают. Цвет оранжевых бревен дома перекликается с цветом волос женщины. Картина целостна и гармонична. Картина-идиллия: единство прекрасной женщины и прекрасной природы. Женщина шествует в луче света, свет бежит впереди, по траве — женщина светоносная. Она несет покой, радость, сбывающуюся мечту... Она: «Жду тебя ужасно...»

Он: «...только бы знать, что ты... в одной со мной комнате».

На этюде к картине «Прогулка верхом» у Юлии Евстафьевны милое ожидающее

выражение. Перед нами пейзаж-портрет. Два характера — даже «красный» конь Кустодиева шагает напористо, в то время как у Юлии Евстафьевны белый мирно пощипывает травку... Художник о чем-то энергично, с увлечением рассказывает, показывает, а она внимает с интересом. Вокруг густое, наливное хлебное поле с жнищами вдали, обрамленное лесами, перелесками да холмами. А над полем и лесами небо, что павлиний хвост — радующее разнообразье... Осенняя прогулка. Художник и его жена едут по тропинке, вдоль нее растут цветы — они виднеются среди ржи путеводными огоньками. Двенадцать лет со дня свадьбы. Картина их единения, ласки и понимания. Канун резкого обострения болезни художника. Давнишнее опасение Юлии Евстафьевны — недоверие избытию счастья: «Ведь такое счастье, что ты любишь меня, у нас есть на что жить, мы здоровы... я даже боюсь за него...» — к сожалению, сбывается.

Начинается болезнь, к Кустодиеву остро приходит «чувство инвалидности»: «...И еще больше это сознание усиливается, когда я думаю о связанных со мною жизнях — твоих и детей...» Ему кажется, пишет он, что я «лишний тебе...» Юлия Евстафьевна резко отвечает: «Ты слепой, если когда-нибудь сомневаешься в моей крепкой и прочной (эти слова выделены. — В. Л.) привязанности к тебе...»

Она становится утешительницей и первой помощницей. Пододвигает художнику палитру, вкладывает в руку карандаш. Настойчиво просит: «Рисуй». Через много лет Кустодиев признается, как много значила тогда эта просьба, вера в него.

Верю в тебя. Вот главное содержание жизни Юлии Евстафьевны. Она создает дом — единственный, где Кустодиев мог жить и работать. Она — «хлебосольная хозяйка и хо-

рошая кулинарка» — в голодные петроградские годы печет коврижки из сухарей и клюквы... Все подчинено творчеству большого художника. Потому в доме есть «папин день» — морозный, «папина» осень, «папин» закат, «папина модель» «папина» любимая стенка. Как вспомнил сын, там висели новгородская икона XII века (о новгородских мастерах Кустодиев говорил: «А ведь они изображали мужичков, которых видели рядом с собой... чудо, как хорошо!»), иранский израец XV века, офорт Рембрандта, «Старик в меховой шапке», эскиз А. Бенуа, автопортрет Ф. И. Шалапина, репродукция картины П. Брейгеля «Охота», эскиз Кустодиева к «Вражьей силе», «Радуга» Сомова, эскиз М. Добужинского...

С 1916 года Кустодиев не может передвигаться самостоятельно.

Юлию Евстафьевну называют неутомимой. Она поднимает, умывает, одевает Кустодиева; ведет дом; является полномочным представителем мужа в издательствах.

Последний портрет Ю. Е. Кустодиевой: страдавшей и верной женщины, в лице грустное просветление — заплачет вот-вот, а ни о чем не жалеет. Так сложилось — и светло ей думается о своей жизни. Большое личное чувство автора слышим мы в рисунке.

Она всегда верная, была рядом; отдала свою жизнь ему, в услужение.

Самоотверженная и безропотная, была тем счастлива. Шли годы, все так же жила им — «милым Бориком», не менялась, старела, беспокоилась о его картинах, собирала статьи и рецензии, приводила в порядок архив.

Ушла из жизни во время Ленинградской блокады.

И навечно осталась жить в портретах, в каждой картине своего мужа.

В. ЛИПАТОВ.

Наша работа, 1979, 29 августа